

Г О Р О Д С К И Е
Л Е Г Е Н Д Ы II:
МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО

ЦИКЛ
«ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ»:

Хозяйка старого дома
Ночной смотритель
Пробуждение куклы
Тот, кто живет в колодце
Человек за черной дверью
Смотрящая в окно

ЦИКЛ
«ГОРОДСКИЕ ЛЕГЕНДЫ II:
МЕДВЕЖЬЕ ОЗЕРО»:

Тринадцатая запись
Украденный ключ
Джутовая маска
Тихие шаги

Лена Обухова

ТИХИЕ
ШАГИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-26

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Оформление серии *Александра Андреева*

Иллюстрация на переплете *Натальи Афанасьевой*

Обухова, Елена Александровна.

О-26 Тихие шаги / Лена Обухова. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-225847-3

Чьи-то тихие шаги — вот что слышат незадолго до гибели жертвы новой серии жестоких убийств в Шелкове. Полиция в растерянности, поэтому Владу и Юле приходится вновь подключиться к расследованию, а Диану и Дениса кто-то продолжает намеренно втягивать в происходящее. Какая роль уготована каждому из них в чьем-то замысловатом сюжете? Чего этот человек добивается? И как со всем этим связана старинная шкатулка?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Обухова Е., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-225847-3

Пролог

Мама умерла в среду, поздно ночью, или, скорее, ранним утром четверга. Похоронили ее в пятницу, но только на девятый день Злата почувствовала что-то похожее на скорбь и горечь утраты.

А первое, что она испытала, — облегчение. Потеря не стала неожиданностью. Фактически они все — она, двое ее братьев и отец — потеряли маму еще два года назад, когда та серьезно заболела. Весь последний год она пролежала в кровати, не вставала даже в туалет. Превратилась в бледную тень, почти перестав разговаривать и реагировать на окружающих.

Это было тяжело. Не только наблюдать за тем, как угасает любимый человек без шанса на выздоровление, но и выполнять массу обязанностей, не всегда приятных. На Злату, как на старшую дочь, легли все домашние хлопоты, которыми раньше занималась мама: стирка, готовка, уборка, походы в магазин, помощь с уроками младшим братьям. А также уход за мамой днем, поскольку мальчишкам нужно было учиться, а отцу — работать.

Ради этого в институте ей пришлось перевестись на вечернее отделение, хотя поступила она на дневное. В жизни Златы не осталось места и времени на общение с друзьями и тусовки, за которые все так любят студенческие годы. Она не могла даже устроиться на какую-нибудь подработку, а с деньгами в последние два года стало совсем туго: теперь, когда работал только отец,

а маме постоянно нужны были лекарства, доходы сократились, а обязательных расходов стало больше. Растущим пацанам постоянно требовалось что-то из одежды или обуви, а у нее за эти два года не появилось ни одной новой вещи. Если и удавалось потратить что-то на себя, то только на самое необходимое или связанное с учебой.

Два года показались Злате вечностью, а хуже всего было то, что никто не знал, как долго это продлится. Так могла пройти вся ее молодость, а потому в последние несколько месяцев она время от времени ловила себя на мысли, что всем было бы лучше, если бы мама умерла. Она все равно уже никогда не будет прежней, ее все равно уже как бы и нет...

Впрочем, каждый раз, когда эта мысль формировалась в сознании, Злата пугалась и гнала ее подальше, испытывая чувство жгучего стыда. После она каждый раз старалась вдвое сильнее, словно искупая вину, и даже иногда прогуливала учебу, оставаясь с мамой и вечером. Обычно в это время обязанности по уходу за ней переходили к вернувшемуся с работы отцу, но Злата знала, что он порой позволяет себе «принять на грудь грамм сто», после чего становится неуклюжим, а иной раз и вовсе грубым в своих действиях. На ее взгляд, это никуда не годилось, но даже если она осмеливалась завести об этом разговор, слышала в ответ только оправдания. Хоть бы обещал держать себя в руках, так нет же. Наоборот, чем дольше мама лежала, тем чаще и больше отец позволял себе пить.

Поэтому, когда мама умерла, Злата испытала облегчение.

Она думала о том, что теперь попробует перевестись обратно на дневное, а если не получится, то хотя бы найдет работу. Тогда у нее появятся деньги, которые она сможет тратить на себя. А еще о том, что в маленькой двухкомнатной квартирке освободится одна комната и ей больше не придется спать на диване в кухне. Она ведь

теперь единственная девочка в доме, комната, где лежала мама, должна достаться ей. Злата была готова собственными руками выбросить оттуда все, что напоминало о тяжелом периоде и болезни, переклеить обои, обставить помещение заново.

Может, у нее не поднимется рука выбросить мамину коллекцию шкатулок, в которых та хранила нитки и прочие приспособления для своего хобби — шитья и вышивания, но она как минимум соберет это все в коробки и отнесет в гараж. Машину все равно уже продали, а купить новую получится нескоро. Папа продал бы и гараж, да тот находился в таком месте и пребывал в таком состоянии, что никому не был нужен.

Все девять дней Злата могла думать только о том, как теперь изменится ее жизнь, и только сегодня, на поминках, ощутила это: чувство потери, плотно переплетенное с чувством вины. Перемывая посуду после многочисленных гостей, она впервые разрыдалась, хлюпая носом и вытирая слезы рукавом домашней кофты. Благо никто не мог этого увидеть: братья давно убежали в свою комнату смотреть телевизор, а отец...

Тот уже храпел, лежа на ее диванчике. Как говорится, мертвецки пьяный. Рядом, сидя на стуле и положив голову на скрещенные на столе руки, спал и последний гость, так и не ушедший вслед за остальными. Кто-то из коллег отца, Злата даже не помнила, как его зовут. Он, видимо, никуда не торопился. И поскольку мобильный телефон у него за это время ни разу не зазвонил, никто его не искал.

Наведя на кухне порядок, Злата шуганула братьев и отправила их готовиться ко сну. Было довольно поздно. Посмотрев на дрыхнувших мужчин и приняхавшись к বিষящему в воздухе запаху перегара, она просто выключила свет и закрыла дверь в кухню. Пусть спят, а она постелет себе в комнате с мальчишками, где обычно спит отец.

Загнав братьев в кровати, Злата легла сама и, как ей показалось, сразу провалилась в сон, но вскоре что-то

ее разбудило. Какой-то звук или просто тревожное чувство? Она не знала, только ощущала, как колотится в груди сердце. Приподняв голову, посмотрела на электронные часы, служившие отцу будильником. Красные, чуть мерцающие, крупные цифры показывали два часа ночи с небольшим. Значит, она действительно спала, ведь улеглись они около полуночи, а с тех пор как будто всего секунда прошла.

В квартире было тихо. Братья едва слышно сопели, и даже пьяный отец уже не храпел, а его приятель не особо шумел с самого начала. Перевернувшись на другой бок, лицом к стене, Злата закрыла глаза и поерзала, устраиваясь удобнее, но теперь сон не шел. В голову лезли мысли и воспоминания, от которых в горле вставал ком, а сердце сжималось. На него словно что-то давило: холодное, твердое, причиняющее боль.

Злата лежала без сна, неосознанно прислушиваясь к тишине, и не сразу поняла, когда именно ее нарушили тихие шаги. Она насторожилась, но через пару секунд облегченно выдохнула, решив, что доносятся они из кухни. Что-то тихо скрипнуло, потом звякнуло. Стихло. Снова скрипнуло.

Наверное, отец проснулся и захотел пить. Ну, или его приятель. Даже, скорее, второе: слишком уж много движений для того, кто ориентируется на кухне.

Шаги не стихали. Кто-то из мужчин ходил по небольшому помещению туда-сюда, а потом вдруг вышел в коридор. Злата снова напряглась. Ей показалось странным, что она не услышала, как открылась дверь: должен был клацнуть замок, он всегда так делает.

Тихие шаги тем временем медленно приближались к комнате. Сердце Златы забилося сильнее. Она осторожно открыла глаза и повернула голову так, чтобы видеть дверной проем. Если кто-то войдет, ей хотелось бы знать наверняка, что это отец. А если это не он, она поднимет шум. Мало ли что взбрело в голову среди ночи пьяному

малознакомому мужику! С чего он вдруг решил побродить по чужой квартире?

Она слышала, как шаги замерли у порога, но в комнату так никто и не вошел. Шаги слышались вновь, но теперь они удалялись, направляясь обратно к кухне. Может, это все-таки отец? Хотел проверить, как они тут устроились, но потом побоялся, что разбудит? Странно, конечно, но он тоже сильно перебрал, в голове у него до сих пор должен быть туман.

Еще раз скрипнули половицы, звук шагов замер где-то в районе кухни, но ненадолго. Вскоре он раздался вновь, теперь опять приближаясь.

«Может, он туалет ищет?» — мелькнуло в голове. Тогда это, должно быть, все-таки гость. Он вполне мог даже не понимать, где находится.

Наверное, следовало встать и подсказать, но Злате отчаянно не хотелось этого делать. Сам справится, она ведь вполне могла бы сейчас спать...

Однако ее терпение лопнуло, когда она услышала, как гость, на этот раз не дойдя до их комнаты, свернул в мамину и принялся ходить там, как показалось, кругами. Не хватает только, чтобы он справил нужду в каком-нибудь углу. Или улегся на мамину кровать, если ищет не туалет, а более удобное место для ночлега, чем стул.

Собрав волю в кулак, Злата выбралась из-под одеяла, надела халат, плотно запахнула полы и крепко завязала пояс. Ночная рубашка была не особо короткой, а ткань ее — весьма плотной, но все равно не хотелось показываться в ней перед посторонним мужчиной.

Когда она вышла из комнаты, шаги вновь стихли. Вероятно, гость все-таки улегся на мамину кровать. Злата как будто даже увидела в темноте очертания силуэта, но стоило зажечь свет, как оказалось, что вторая комната абсолютно пуста.

Злата растерялась. Она ведь слышала, как сюда вошли, как здесь топтались! Может, пока она вставала, гость успел тихонько ретироваться в кухню?

Снова щелкнув выключателем, Злата вышла в коридор и застыла. Ей было немного не по себе, хотелось поскорее забраться обратно под одеяло и уснуть, но она понимала, что второе будет очень трудно сделать, не разобравшись.

Стараясь не шуметь, она дошла до кухни. Дверь действительно оказалась распахнута, а потому даже из коридора стало очевидно, что гостя нет и там. Отец спал, кажется, в той же позе, даже все-таки похрапывал, но совсем тихо, а больше в помещении никого не было. Пусто оказалось и в ванной, и в туалете.

Может быть, мужчина проснулся уже в достаточном трезвом состоянии, чтобы сообразить, что ему пора? Транспорт в такое время, конечно, не ходит, но если он живет в пешей доступности, мог и домой отправиться. Вполне вероятно, ее разбудил звук захлопнувшейся двери, просто она его не запомнила.

Только тогда совершенно непонятно, чьи шаги она слышала все это время.

Теперь Злате стало очень не по себе. Ведь что-то похожее она слышала и раньше, пару раз проснувшись среди ночи в туалет. Тогда тихие шаги звучали не так явно, а стоило сесть на постели и прислушаться, так и вовсе все стихало.

Когда-то Злата читала, что душа умершего человека до сорока дней остается на земле, но лишь три из них — в доме. Правда, соседки сегодня тихо судачили, что присутствие покойника можно ощущать и девять дней. Она, конечно, не верила в такое, решила, что звуки или мерещатся, или доносятся из других квартир — сверху или снизу.

Но сегодня шаги слышались до того отчетливо, что списать все на плохую звукоизоляцию не получится. Неужели это действительно мама?

Стало жутко. Злата почувствовала, как спина покрылась мурашками, а затылок закололо так, словно его кто-то сверлил взглядом. Она поторопилась вернуться в комнату к братьям. На всякий случай закрыла дверь и юркнула в постель, забыв снять халат, но все равно натянула одеяло до самого подбородка.

Стоило улечься и затихнуть, как шаги послышались вновь. Теперь они звучали в основном в соседней комнате, словно кто-то бродил по ней кругами, потом медленно перетекали в коридор, доходили до закрытой двери и снова возвращались в комнату.

Злата лежала лицом к стене, тяжело дыша, мелко дрожа и стараясь не открывать глаза.

«Мне нечего бояться, — пыталась успокоить она себя. — Если это мама, мне нечего бояться. Мамин призрак не причинит мне вреда...»

Но страх не уходил. Что, если мама теперь знает ее мысли? Что, если она знает: Злата хотела ее смерти. Что, если она злится?

А вдруг она никогда не уйдет? Так и будет бродить ночами по своей комнате. Тогда Злата не сможет там жить, ей придется остаться в кухне...

Она сбилась с мысли, услышав, как клацнул замок двери. Двери в их комнату! Петли едва слышно заскрипели.

Злата сильнее стиснула веки, боясь случайно открыть глаза и увидеть призрак мамы. Ей казалось, что она этого не переживет.

Тихие шаги скользнули в комнату. Злата вцепилась пальцами в край одеяла, чувствуя, как дрожит все сильнее. Вот-вот зубы начнут клацать. Шаги тем временем приблизились к двухъярусной кровати братьев, замерли

у нее на какое-то время, но потом двинулись дальше — к дивану, на котором сегодня спала она.

Теперь Злата не только слышала, но и чувствовала постороннее присутствие. Все волоски на теле встали дыбом, когда шаги замерли за ее спиной, у самого дивана. Она едва не заскулила от страха, но продолжала твердить себе, что мама ей не навредит, что та просто пришла проверить, все ли у них хорошо. Очень давно, когда братья были совсем крошками, Злата — девчонкой, а мама — здоровой, она иногда так делала вечером и даже посреди ночи.

То, что пришло в комнату сейчас, наклонилось над Златой. Она не видела этого, но откуда-то знала, чувствовала движение. Казалось, сейчас мама поправит ей одеяло и наконец уйдет к себе, но ничего не происходило. Злата чувствовала только, как на нее смотрят сквозь темноту. А потом услышала встревоженный шепот Димки:

— Злата, берегись!

Внутри словно лопнула натянутая струна. Злата не выдержала, перевернулась на спину, распахнула глаза и наконец увидела то, что склонилось над ней. Она попыталась закричать, но ее словно парализовало на вдохе, ни единого звука так и не вырвалось.

Это была не мама.

Глава 1

12 июня, суббота

Медвежье озеро

Когда Влад Федоров только ослеп, ему часто снились сны, в которых он снова ощущал себя зрячим. Он видел людей и окружающее его пространство до того четко, что часто испытывал облегчение, уверенный, что все наладилось. Пробуждение низвергало его обратно в пучину отчаяния.

Со временем это стало редкостью. Последние три или даже четыре года он видел обычные для слепого сны: никаких визуальных образов, только звуки и ощущения, иногда даже запахи. Все то, что сопровождало его во время бодрствования.

Последние полтора месяца, с тех пор как он внезапно и совершенно необъяснимо прозрел, Влад почти не видел снов или просто не запоминал их. Но если утром в памяти что-то и оставалось, то, как правило, не тревожило. До недавних пор его страх снова потерять зрение не воплощался в ночные кошмары.

Но сегодня его сон опять наполняли только звуки и ощущения. Влад слышал плеск воды и чувствовал покачивание. Он как будто бы лежал в лодке, неторопливо скользящей по воде, а о ее борт билась едва заметная волна.

Его смущало отсутствие звука мотора. Влад откуда-то знал, что пересекает Медвежье озеро, но прекрасно помнил, что лодки здесь только моторные. Им с Юлей они достались вместе с гостиницей от предыдущего владель-

ца, так и не закончившего строительство. Для чего тот приобретал лодки, он никогда не интересовался, но им они совсем недавно успели пригодиться.

Не зная, что спит, Влад пытался понять, что происходит, почему он оказался в этой лодке, куда плывет, как и с кем, но попытки открыть глаза и посмотреть ни к чему не приводили. Он ничего не видел. Его охватила паника. Неужели это все-таки случилось? Зрение вновь пропало? Так же внезапно, как и вернулось?

Когда это произошло, Влад лег спать слепым, а проснулся почти сутки спустя уже зрячим. По словам жены, за это время он успел побывать на другом берегу озера, где между деревьями прятались старые, всеми забытые могилы. На одной из таких могил его и нашли со странным символом на лбу, начертанным чем-то очень похожим на кровь. Как Влад там оказался, никто не знал, но было логично предположить, что кто-то отвез его туда на лодке. Прямо как сейчас.

Но почему же нет звука мотора?

Влад дернулся, пытаясь сесть, и едва не потерял равновесие, внезапно проснувшись. В ужасе он сделал шаг назад, обнаружив, что стоит на пристани, у самого края, и только что едва не рухнул в воду.

На него накатило чувство небывалого облегчения. Сон, это был просто сон, а на самом деле он по-прежнему прекрасно видит. Наслаждаясь этой способностью, Влад обвел взглядом озеро и все, что его окружало.

Было еще довольно сумрачно: солнце не успело выглянуть из-за горизонта, но его свет уже постепенно прогонял ночную тьму. Природа замерла, готовая к пробуждению, но пока дремлющая. Над кажущейся спокойной гладью воды висел густой туман. Привязанная к пристани и накрытая чехлом лодка слегка покачивалась, тихонько хлюпая. Видимо, именно этот звук Влад слышал сквозь сон.

Наверняка еще не потеплело, но он, хоть и стоял на пристани в одних пижамных штанах, холода не ощущал, только приятную свежесть утра. Чувствовал босыми ногами шершавое дерево досок, слышал первые трели самых ранних птиц и полной грудью вдыхал запахи леса и воды.

Облегчение и умиротворение вскоре сменились тревогой. Как Влад здесь оказался? Зачем сюда пришел?

Снова послышался плеск воды о борт лодки, но на этот раз он прозвучал не снизу, а из глубины клубящегося над озером тумана. Влад посмотрел на привязанную к пристани лодку и задался закономерным вопросом: где же вторая?

Он перевел взгляд вдаль, туда, где за плотной завесой тумана скрывались противоположный берег и старое кладбище. Сейчас ни того, ни другого не было видно, но в молочно-белой пелене уже виднелись очертания того, что медленно приближалось по воде. Плеск волны стал чуть громче, по зеркальной глади пошла заметная рябь.

Пульс тревожно забился где-то в висках, Влад невольно задержал дыхание, словно боялся издавать даже такой тихий звук. Он до боли вглядывался в туман, из которого томительно медленно выплывала лодка. Мотор не работал, казалось, лодку просто гонит ветром, но это вряд ли было так, поскольку ветра не ощущалось.

В лодке стоял человек. Стоял уверенно, неподвижно. Черный балахон скрывал очертания фигуры, а объемный капюшон, сильно надвинутый на низко опущенную голову, — лицо. Казалось, что это Харон перепутал Медвежье озеро с рекой Стикс и явился за Владом. Однако, чем ближе лодка подходила к пристани, тем выше мужчина поднимал голову и тем лучше становилось видно, кто он.

— Артем... — выдохнул Влад, чувствуя, как в груди все сжимается, как что-то твердое и тяжелое сдавливает сердце.

Брат плотоядно улыбнулся и тихо поинтересовался: